Комс. правда. — 1992. — 29 февр. — С. 3.

Алексей ГЕРМАН:

Эпоху не выбирают

Афиша в Киноцентре. «Алексей Герман и К°. Премьерный показ в Москве игровых лент Киностудии первого и экспериментального фильма под руководством Германа...». Десять названий. «Самое яркое, самое неожиданное, самое молодое, самое свободное от коммерческих устремлений, что есть в современном отечественном кино. Истинные ценители кино, спешите!».

Поспешила. Если честно, не столько посмотреть, сколько послушать. Любимого кинорежиссера. Смотрю: режиссер есть, а голоса нет. Ездил выбирать натуру, холодно, мокро, простыл и охрип. Но охрипшими остатками все равно отвечал на вопросы и даже выступил перед началом показа. Любит он их, что ли, своих Е. Юфита, О. Ковалева, И. Алимпиева и прочих?

Опуская вопросы, оставляю монолог Алексея Германа, как его записала.

— Я тебе говорю, я начал большую картину, этим объясняется мой голос. Я был в тех местах, где Панфилов сто лет назад снимал «В огне брода нет». И, представляешь, там люди до сих пор живут этой картиной, вспоминают, как было, про Чурикову все знают, следят за ней, меня это поразило. Кино и жизнь...

Ну что, вся эта компания замысливалась в расцвет перестройки, мы придумали это, когда кино любили, потому что оно вырывалось из застенков, и по многим другим причинам. А теперь... я не могу сказать, на закате перестройки, потому что оно давно не так называется, но студия продолжает существовать, хотя вроде искусством никто не интересуется. Директор «Ленфильма» Голутва говорит: снимать у нас будут не те, у кого медали, а те, у кого деньги. А те, у кого ни медалей, ни денег? Если появится, скажем, Кафка, как ему жить? Вот одна из задач нашей студии — собирать талантливых людей. Другая задача — просто эксперимент, просто новое интересное кино.

Мы несчастная страна. Во всех странах капиталисты строят капитализм. А коммунисты должны строить коммунизм. У нас же капитализм строят коммунисты. Голутва вчера из обкома, а сегодня он делает деньги. И ничего в кино, кроме ужаса, не фильмов ужаса, а просто ужаса и нашествия халтуры не получается. Пришли деляги, Чичиковы. Что делать. Как наша киностудия живет — в принципе для меня самого финансовая загадка. Какие-то деньги давало Госкино, мы ему благодарны, хотя его больше нет, а у нас принято пинать ногами то, чего нет. Какие-то небольшие деньги и большую моральную поддержку мы получали от Большого Союза кинематографистов. Две картины купил Марк Рудинштейн. Французы почему-то помогают.

Мы начали с двух маленьких комнат, одна из которых была общественная уборная, не работавшая, поэтому нам ее разрешили взять. В ней до сих пор находится мой кабинет. Не пугайся, унитазы мы убрали. Во второй комнатке — дирекция. Потом прибавили еще одну.

Мы действительно выпустили довольно много режиссеров. Выяснилось, что учить режиссеров совершенно не надо, особенно так, как это делают во ВГИКе. В основном. Кто у нас работает: бывший кровельщик, бывший актер, один, кстати, вгиковец, трудился в котельной и писал, одна из института культуры. Оказалось, что профессия кинорежиссера сродни профессии поэта. Можно, конечно, учить поэзии, но вообще это что-то органичное. Я не хочу сказать, что все, что мы сделали, мне нравится, что-то нравится больше, что-то меньше. Но мы делаем то, что называется артистическим кино.

Вот Ира Евтеева, та, что из института культуры. Мы ей дали возможность сделать мультипликацию. «Лошадь, скрипка и немного нервно». В Ленинграде ведь не было мультипликации, это первая. Такая... непонятно что, замечательная. Или вот сейчас Сережа Попов заходил, ты его знаешь, он у Киры Муратовой снялся в «Астеническом синдроме». Я Киру очень люблю. Она говорит: посмотри. Он принес забавный сценарий, начал снимать, кипа жалоб: не умеет работать с актерами. А жалобы-то мне, я у них начальник. Я пришел, посмотрел: прекрасно работает, я так не умею. Сделал картину «Улыбка», советую поглядеть.

Почему я хотел бы с этого дела свалить? Я начальник для них, понимаешь, как ни смешно. А это не для меня. Но в то же время я понимаю, что без меня это дело развалится.

Говорят, некоммерческое кино. Притом, что никто из наших придурков не знает, что коммерческое, а что нет. Коммерческое тоже может быть сделано на искусстве, именно артистическое кино. В стране много интеллигенции, и качество ее высокое, я убежден. Кто сумел всех так облапошить и отсечь хорошее кино в пользу всякой гадости! Картина Леши Балабанова «Счастливые дни» получила главные призы в Киеве и Свердловске. «Ой вы, гуси» Бобровой засыпана призами. В прошлом году картина Пежемского «Переход товарища Чкалова через Северный полюс» единственная с «Ленфильма» была в Канне. В Венеции, в Турине наши фильмы получали награды. Все минует только советского зрителя. Гляди, висит афиша, «Облако Рай», прекрасный, простой-простой, как капля воды, фильм — кто-нибудь его видел? Кто-нибудь о нем слышал?..

Что я делаю? Снимаю фильм под названием «Хрусталев, машину!» Это Берия крикнул, когда Сталин испустил дух. Фамилия бериевского шофера. 53-й год. Я постараюсь не сводить счетов ни со Сталиным, ни с режимом, ни с чем. Я постараюсь рассказать историю. Я не хочу повторять то, чем занимаются все. Любую проблему возьми — начинают разбираться и клеймить кого-то. А я пытаюсь хоть чуть-чуть понять этих людей, которых и в картине-то практически нет. Есть мой герой, генерал военно-медицинской службы, по фамилии Глинский, и его история. Когда мы со Светланой Кармалитой, моей женой, как тебе известно, и моим соратником, делали сценарий, мы старались заквасить туда все наши размышления о времени, что-то из своей семьи, из своей биографии, что могло бы случиться, если бы. Нормальное дело. Надо рассказывать истории. Бывают ужасные эпохи, неужасные эпохи, никуда не денешься, живешь в ту, которая случилась. Может, для кого-то гитлеровская эпоха была счастливой. И сталинская тоже. Все равно это жизнь. Обыкновенная жизнь. Хотя в фильме происходят достаточно экстремальные события.

Но сейчас что-то такое случилось. У меня, знаешь, абсолютное ощущение, что я в космосе пролетал сто лет, вернулся на землю и не узнаю людей. Правда, у меня еще поумирало много и много уехало. Такая просто беда. А те, кто не уехал и не умер, с ними очень трудно работать. Когда я начал картину, думал, все обрадуются. Вроде хороший режиссер, вроде даже в мире знают, начал снимать сюжетное кино — никто ничего не хочет. Все только про бабки, про «зеленые». Ей-богу, наше поколение было разное, были и Бондарчук, и Матвеев, и Герасимов, но... у них была своя нравственность, у нас своя. Ко мне пришел человек от Павленка, сказал: сделай то-то и то-то, и мы из тебя сделаем человека. Мы смеялись в ответ. Мы презирали это. Их официальные заказы, за которыми должно было последовать благосостояние. Что, оператор Валерка Федосов, покойный, не мог заколотить где-то деньги быстро и дешево, с его-то талантом? Мог. Но это вызывало брезгливость. Сейчас всякий хам вызывает уважение, если у него есть деньги. Приходят и говорят: буду работать только за большие бабки. Самое главное, что одно абсолютно не связано с другим. Все равно ничего не делают и обманывают. Надо сволоту, которая сейчас занимается искусством, как-то вытеснять. Посредством чего и кого, я не знаю. Может быть, посредством этих, молодых. Но частично и они уже заражены. Не все, но некоторые. Это очень обидно. Крадут копии, продают на Западе за двести долларов. Бог знает, что творится. Один сплошной вой под названием: даешь «зеленые»!

Я сейчас вспомнил, когда закрывали «Лапшина» и велели меня строго наказать, официальная бумага пришла, дали мне последнее слово, спросили, что я хочу сказать. Я встал и сказал, что Ермаш и Павленок — враги народа, которые будут сметены историей. Директор киностудии схватился за нитроглицерин. Я и теперь не боюсь говорить то, что есть. Как будет дальше жить наша студия, я не знаю, но так уж плакаться, жаловаться, что мы все погибли и пропали, мне тоже не хочется. Все это доморощенное американское кино для бедных, про рэкет и прочее, оно уйдет, в конце концов лучше покупать у самих американцев. А мы будем делать свое кино и как-то проживем трудные времена. Сообща, может, и уцелеем. Особенно если не будем их бояться, всех, финансовые ли это воротилы или перекрасившиеся наши начальники.

Записала
О. КУЧКИНА.